

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 211–216.

УДК 811:37.02

Станислав Юркин

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНКОРДАНСОВ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ СТУДЕНТОВ

В последние годы университетское сообщество особенно остро осознало, насколько далека техническая оснащенность учебного процесса от уровня современных информационных технологий. При этом каждый преподаватель высшей школы настойчиво пытается примирить мечту и действительность, „предлагаемые обстоятельства” нашей жизни с актуальными требованиями завтрашнего дня.

В настоящее время отношение к новейшим информационным технологиям и, в частности, к Интернету, несколько изменилось: на смену массовому энтузиазму и всеобщей очарованности пришел трезвый прагматизм. Думается, что самое время ответить и на такой вопрос: как именно можно использовать современные информационные технологии в учебном процессе?

Предлагаемая статья представляет попытку обобщить опыт использования компьютерных технологий в вузовском учебном процессе.

Речь пойдет, в частности, о некоторых аспектах анализа художественного текста с помощью электронной базы данных и, в первую очередь, о методах выявления и описания концептуальных универсалий авторского художественного мира.

В специальной филологической литературе все чаще употребляется термин *лингвокультурология*. По мнению ученых, эта дисциплина ориентирована на интегративное описание языка и культуры, на построение неких моделей их взаимосвязи на основе сопоставления различных языков, культур и духовных ценностей.

Язык в этом контексте определяет не только специфику мыслительных процессов, но и некоторые закономерности эмоциональной жизни человека: не только мысли могут быть *подуманы* (Е. Падучева) на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в пределах одного языкового сознания, но не другого. Иначе говоря, есть понятия, основополагающие для одной национальной модели мира и отсутствующие в другой. Но „даже если эти понятия, — подчеркивает А. Вежбицкая, — встречаются и в другой модели мира и даже являются фундаментальными для нее, то и тогда они обладают достаточно отличной специфической семантикой” [1].

Стремление воссоздать национальную языковую картину мира, ставшее ныне одной из основных целей лингвокультурологии, направлено, в конечном счете, на постижение национальной специфики языка как культурологическо-

го феномена. Язык неотделим ни от национального мироощущения, ни от национального бытия. Ведь мысля, мы, по существу, исследуем и уточняем, как наше бытие воплощается в языке и как сам язык определяет это бытие.

Структура языка — вот что определяет и национальную, и индивидуальную ментальность. С исчерпывающей точностью сказал об этом Людвиг Витгенштейн: „Границы моего словаря означают границы моего миропонимания” [2].

Язык — это важнейшая для человека среда обитания. Уже хотя бы поэтому проблемы *лингвосферы* требуют к себе столь же пристального внимания, как и проблемы экологии биосферы. Между тем, наиболее типичную этносоциальную болезнь XX века можно определить как *безъязычие* или *полуязычие*. Причем в последнее десятилетие кризис языка приобретает столь тотальный характер, что затрагивает даже людей интеллектуальных профессий, включая и студентов университетов.

Еще в середине XIX века Эдгар По заметил, что современная философия находится в хаотическом состоянии из-за невозможности определить значения слов, которыми она пользуется.

Спустя столетие об этом еще более резко высказался Людвиг Витгенштейн, упрекнувший современную философию в патологии языка и осудивший ее за злоупотребление словами, вместо того, чтобы обеспечить профилактику языка, т. е. поставить диагноз и найти средства излечения от таких злоупотреблений.

Похоже, что философы отказались от этого вызова и его были вынуждены принять лингвисты, а в последнее время и лингвокультурологи. По своим методам лингвокультурология сближается также с историей и другими научными дисциплинами, исследующими исторические изменения социальных структур, которые, в свою очередь, определяют и пути языковой эволюции, и развитие культуры, литературы, искусства.

Одной из важнейших проблем лингвокультурологии является осмысление того, в какой мере и каким образом эволюционные процессы в культуре причинно влияют на развитие языка и как сам язык способствует течению этих процессов. В более широком смысле лингвокультурология рассматривается как комплексная дисциплина, изучающая с помощью лингвистических методов содержательность культуры, ее этническую идентичность и национальную ментальность в фольклорных и художественных текстах. А это, в свою очередь, соответствует одному из основных положений лингводидактики — взаимосвязи обучения языку и культуре как основе формирования способности к межкультурной коммуникации.

В последние годы благодаря достижениям в области компьютерного программного обеспечения весьма распространенным методом филологической науки стало составление различных конкордансов* с последующими аналитическими процедурами на их базе. Особенным вниманием эта стратегия пользуется в славянском исследовательском Центре при университете японского города Саппоро, где за последние годы были подготовлены конкордансы к *Лаврентьевской* и *Новгородской I-ой летописи*, *“Путешествию из Петербурга в Москву”* А. Н. Радищева, *“Письмам русского путешественника”* Н. М. Карамзина,

всем прозаическим произведениям Пушкина, “Преступлению и наказанию” и “Идиоту” Ф. М. Достоевского.

Теперь, когда благодаря Интернету любой из этих конкордансов может быть включен в учебный процесс, встает закономерный вопрос о возможных аспектах использования полученной базы данных.

Конкордансы, или симфонии, — традиционный, давно известный, но до наступления компьютерной эры мало используемый способ изучения текста. Прежде всего, известны симфонии книг Священного писания. Печатные конкордансы дают алфавитный список слов в узком контексте (как правило, контекст ограничен одной строкой).

В отличие от печатных, электронные конкордансы имеют гипертекстовую структуру. Это позволяет увидеть слово не только в ближайшем и ограниченном контексте, но и в самом тексте произведения.

Иначе говоря, конкорданс представляет собой полный индекс встречающихся в тексте слов во всех контекстах. Благодаря этому исследователь может сравнить все контексты употребления того или иного слова, проанализировать все конкретные значения слова, осмыслить его КОНКОРДАНС* коннотации и таким образом как бы реконструировать процесс формирования и развития тезауруса писателя, дать систематический анализ категорий его поэтики, эстетики и философии.

Эффективную возможность использования конкордансов произведений Достоевского в учебной и исследовательской работе представляет Web-сервер Петрозаводского университета. Как хорошо известно преподавателям литературы, не все студенты отдают себе отчет в том, что в произведениях автора и, в частности, у Достоевского, следует различать слово героя, слово повествователя и слово автора. В современной русской культуре есть немало мистифицированных „цитат”, якобы принадлежащих Достоевскому, но на самом деле являющихся лишь изречениями его героев. Для более точной дифференциации экскурсов в конкордансах под редакцией В. Н. Захарова слова героев выделены черным цветом, слова повествователя — синим, а авторское слово Достоевского выделено красным цветом. Это позволяет, к примеру, увидеть, что расхожее выражение „красота спасет мир” занимает низшую позицию по степени авторитетности — это всего лишь слова одного из персонажей романа “Идиот”. Чтобы избежать субъективистских решений проблемы маркировки „чужого слова” в слове автора и повествователя, в качестве нормы приняты авторские выделения „чужого слова” кавычками или курсивом.

Электронные конкордансы являются новым эффективным инструментом научных исследований, но еще недостаточно широко используются в учебном

---

* (Нем. Konkordanz, англ. concordance — согласие, соответствие, лат. concordare - согласовывать, приводить к согласию) — расположенный в алфавитном порядке перечень встречающихся в книге слов с их минимальным контекстом (в несколько слов) или сходных по содержанию мест. Имеются к. многих значительных текстов — Библии, произведений Шекспира, Пушкина, Достоевского и др.; особый тип словаря, в котором каждое слово приводится с минимальным контекстом. // Н. Г. Комлев. Словарь новых иностранных слов. Изд. Московского университета, 1995.

процессе. Однако когда студенты все же обращаются к базам данных того или иного текста, они, как правило, достигают серьезных результатов. Так, одна из работ была посвящена словам-маркерам идеостиля Достоевского. Анализируя употребление наречия *вдруг*, автор пришел к нетривиальным выводам.

Вдруг — действительно характерное и важное слово Достоевского. Оно является одним из ключевых элементов авторской концепции человека. Это слово имеет конкретный социально-психологический смысл, оно выражает эсхатологическое мироощущение героев Достоевского, стихийность их жизни и спонтанность человеческих проявлений, а главное — определяет состояние мира, переживающего свое становление и развитие, что порождает у персонажей писателя чувство непредсказуемости и случайности.

Главное же, что выражает одно из самых характерных слов Достоевского, проявляется в его духовном смысле — том самом, который заключен в евангельском Преображении Христа. Идея преобразования — одна из самых глубоких православных идей: каждый смертный может повторить искупительный подвиг Христа, и на этом пути изменить свой образ, каждому дано преобразование и каждому может внезапно открыться его божественная и человеческая сущность.

По мнению Достоевского, человек может именно *вдруг* преобразиться и каждому может открыться его собственная - одновременно божественная и демоническая - сущность. Так рутинные лингво-статистические процедуры могут привести к пониманию глубинного духовного смысла текста.

Важным достоинством современных конкордансов является наличие частотного словаря, что дает возможность сравнить его количественные показатели со словарем языка других писателей. А это, в свою очередь, позволяет выделить слова-маркеры, присущие именно **этому** произведению и **этому** автору, что существенно облегчает осмысление его художественного мира. Студенты довольно часто пользуются понятием „художественный мир произведения”, но редко представляют его с достаточной определенностью.

Работа с конкордансом и частотным словарем того или иного произведения облегчает составление подробной описи образов и мотивов, а это, в свою очередь, создает возможность для объективного и всестороннего описания авторской поэтики, потому что состав такой описи и представляет этот самый *художественный мир произведения*.

Вот несколько примеров из работы Анатолия Шайкевича, посвященной лингвистическим и литературоведческим аспектам конкорданса к роману Достоевского *“Преступление и наказание”* [3].

Генеральная сюжетная линия романа подчеркивается такими лексическими маркерами: *допрос, допрашивать, обыск, повинная, подозрение, показание, полицейский, преступление, преступник, убить, улика, явка*. На многие из этих слов приходится больше половины всех словоупотреблений в художественных текстах Достоевского.

Большой филологический интерес представляют группы лексических маркеров, не ограниченные локальным контекстом или отдельным персонажем, но в какой-то мере распространяющиеся на роман в целом. Прежде все это сло-

ва, характеризующие топос романа с его контрапунктом замкнутого и открытого пространства.

Замкнутое пространство описывается такими лексическими маркерами — здесь они названы в порядке их частотных рангов: *лестница, квартира, номер, каморка, комнатка, клетушка*.

Следующие маркеры фиксируют интерьер: *комод, стена, диван, стул, угол, перегородка, порог*. Исключительную сюжетную и семантическую роль в романе играет дверь. Это выражается в таких маркерах, как: *настежь, ключ, дверь, замок, притворить, отпереть и др.*

Внешнее пространство романа — это Петербург, взятый не с его парадной, а преимущественно с неприглядной стороны: *канава, Сенная, подворотня, этаж, мостовая, панель, мост, дворник, оборванец, лохмотья, артельщик, мещанин, шарманщик, вонь, духота, подвальный, тряпье, нищий, и т. п.*

Если физическое пространство романа отмечено лексическими маркерами подробно и ярко, то этого нельзя сказать о времени. В темпоральной лексике выделяются только два маркера: *опять* и *вчера*. Это обстоятельство можно интерпретировать только одним образом — темпоральная структура романа не отличается от остальных романов Достоевского.

Ничего нельзя сказать и о портретных маркерах — здесь выделяется лишь эпитет *припухший (припухшее личико)*. Так же мало лексических маркеров, фиксирующих костюмы персонажей: *пальто, платье, фуражка*.

Слова, обозначающие эмоции, не слишком сильно варьируют в текстах писателя. Употребительность слов *испуг* и *страх*, к примеру, удивительно стабильны от романа к роману. В “*Преступлении и наказании*” отмечено только два маркера из чувственной сферы: *отвращение* и *тревога*.

Особенно большие возможности для учебной и научно-исследовательской работы студентов-русистов представляет так называемый Машинный фонд Института русского языка им. Виноградова, многие материалы которого находятся на институтском Web-сервере.

Особый интерес вызывает *Антология русской поэзии XX века*, наиболее представительная и по количеству авторов, и по перечню произведений. Эти тексты стали исходной базой многих научно-исследовательских работ различной направленности. Особое место среди них занимает исследование, посвященное психолингвистическим аспектам поэтического творчества. В этой работе использовалась компьютерная программа **ЛИНГВА-ПРЕСС**, апробированная сотрудницей Института им. Виноградова С. Н. Шепелевой [4].

Автор исходила из того, что поэтическую культуру России можно рассматривать как один из адекватных выразителей российского менталитета или хотя бы его эмоциональной составляющей. Помимо огромной эстетической ценности русская поэзия представляет и уникальный эмпирический материал, отражающий эмоциональное состояние российского общества.

XX век для России стал одним из самых тяжелых за всю её тысячелетнюю историю. Что же представлял собой россиянин в начале, в середине и в конце этого „века-волкодава”? Как отразились на психическом складе россиянина все

пережитые им социальные катаклизмы? Или, наоборот, какие стороны его психического склада могли способствовать тем или иным социальным изменениям?

Благодаря психолингвистическим методам стало возможным исследование психологических особенностей человека, даже не вступая с ним в непосредственный контакт лишь на основе анализа продуктов его письменной речевой деятельности.

Суть компьютерного метода **ЛИНГВА-ПРЕСС** вкратце можно описать следующим образом. Экспериментальные психолингвистические исследования неоднократно подтверждали предположение об инвариантности индивидуальных речевых особенностей. Исходя из этого, была разработана эмпирическая модель, математически связывающая грамматические и семантические характеристики текста с психологическими характеристиками самого автора. С помощью этого компьютерного метода можно достаточно объективно описать психологическое содержание текста как продукта речевой деятельности. Эта психологическая информация отражает, во-первых, особенности речевого поведения автора, во-вторых, его психологический склад и, в-третьих, те глубинные психологические состояния, которые переживал автор (пусть даже на подсознательном уровне) в момент творчества. Эта психолингвистическая компьютерная методика позволяет наблюдать не только за изменениями в мироощущении отдельных писателей, но и выявить общие тенденции в эволюции ментально-чувственных процессов в обществе.

Новые информационные технологии, особенно ресурсы Интернета, поставили перед нами новые задачи в учебном процессе. Было бы неразумно допустить, чтобы наши студенты не воспользовались обширными базами данных в своей учебной и научной работе и чтобы эти возможности не повысили бы качество филологической подготовки наших выпускников. Таковы вкратце методические аспекты использования информационных технологий, с помощью которых можно решать многие образовательные и исследовательские задачи.

Литература

1. Вежбицкая Анна. Избранные труды. — М., 1999. с. 82.
2. Витгенштейн Людвиг. Логический трактат. — М., 1978. с. 121.
3. Шайкевич А. Я. Конкорданс к роману Достоевского “Преступление и наказание”. // Слово Достоевского. — М., 1998. с. 76.
4. Шелелева С. Н., Батов В. И., Петров В. М. Психолингвистический анализ поэтического творчества. // Вопросы языкознания, 1999, № 4, с. 83.

Поступило в редакцию 23. 08. 2002